

ние. Но все же в виду действительно мирового распространения темы о захваченной на земле небесной девице-лебеди, благодетельствующей герою, следует, повидимому, возвести этот образ к стадии мифологического мышления, которую независимо когда-то проходило много человеческих обществ.

Что же касается девы-обиды «Слова о полку Игореве» и зловещей лихойдейки былины о Потоке, то, едва ли связанные одним общим мифом, они остаются пока вне истории русских и монгольских параллелей.

По отношению к деве-обиде возможно оставить в силе мнение Афанасьева, который сближает ее с чудесными воительницами других литератур. «Воинственным характером своим валькирии сходятся с сербскими вилами; они приносят с собой войну и все ее ужасы, что напоминает нам чудесную деву „Слова о полку Игореве“, которая плескалась на синем море лебедными крыльями и названа Обидою... Название Обида согласуется с теми собственными именами, какие приданы небесным воинственным девам в преданиях греков и германцев; например, Распря, Победа и пр.» (Поэтич. воззр., т. III, М., 1869, стр. 191). «Между собственными именами валькирий известны еще Hildir и Gunr (Gudhr), означающие ругна, ргоelium, что указывает на олицетворение понятий битвы, войны — точно также у греков были олицетворены Ἔρις (распря, вражда), которую Зевс посылал возбуждать усобицы между людьми, Ἐπιώ, Νίκη, у римлян Bellona, Victoria и у славян Обида, дева с лебедиными крыльями» (там же, стр. 367).

Благодетельной же девой русской древности не могла ли быть Лыбедь, сестра основателей Киева, помянутая в «Повести временных лет» (Поэтич. воззрения, т. II, стр. 218)?

Допустим еще одно сближение. В 38-й главе сочинения об управлении государством Константин Багрянородный пишет, что «народ турков (т. е. угров) обитал некогда близ Хозарии в местности Лебедии (Λεβεδίαι)». Может быть, существует некоторая связь между этой страной и той, где действовала лебедь-дева Слова о полку Игореве?¹

¹ К. Я. Грот. Моравия и мадьяры, СПб., I, 1881.